

мени же кійждо ихъ приде во свое отечество и о сицевомъ преславномъ чудеси всѣмъ сущимъ во градѣхъ повѣдаша и отъ того времени во градѣ, и всѣмъ многимъ людямъ, сіе преславное чудо ясно сотворися; народи же сіе слышавше, мнози на оно мѣсто тенци начаша, и мнози отъ различныхъ болѣзней и скорбей исцѣленія вскорѣ получаху, и оттолѣ сей Богородичентъ образъ всюду предивнымъ чудотвореніемъ нача прославлятися“.

Прочитавши эту большую фразу, безъ труда можно видѣть, что она состоитъ изъ ряда отдѣльных предложений, только соединенныхъ въ одно цѣлое.

Затѣмъ синтаксическая конструкція ясно показываетъ, что яваторъ *Повѣсти* былъ человекъ не только начитанный въ лучшихъ образцахъ древнерусской письменности; но и знавшій хорошо духъ и строй правильного славянскаго слога. Самый внимательный анализъ не открываетъ намъ грубыхъ ошибокъ противъ правилъ синтаксиса, что нетрудно найти во многихъ литературныхъ произведеніяхъ 16 и 17-го вѣковъ. Замѣчательна и строгая выдержанность славянскаго стиля въ изложеніи; тогда какъ по свойству излагаемаго предмета, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, трудно было не увлечься народной русской рѣчью, и такимъ образомъ смѣшать славянскую конструкцію рѣчи съ русскою. По нашему крайнему разумѣнію, основанному на сличеніи *Повѣсти* съ другими памятниками современнаго ей письма, она въ отношеніи языка даетъ образецъ и достойна изученія.

Мы не станемъ утомлять читателей синтаксическимъ разборомъ рѣчи *Повѣсти*. Если же они захотятъ сами сдѣлать это, хотя бы воспользовавшись отрывками, приведенными въ нашей статьѣ, то замѣтятъ, что вездѣ авторъ искусно умѣетъ соединять придаточныя